

## А. Н. ВЕСЕЛОВСКИЙ ОБ ОБРАЗЕ «СУДЬБЫ-ДОЛИ» В СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

В. Н. Яхно

*Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого, Беларусь*

Александр Николаевич Веселовский (1838–1906) – специалист в области русско-славянской и византийской литературы, незаслуженно забытый литературовед, академик Петербургской АН (1880). Разрабатывал историческую поэтику и сравнительно-исторический метод в литературоведении. Отмечал важнейшее значение Византии в истории европейской культуры и особенно восточнославянских народов, указывал на ее связующую роль между Востоком и Западом. «Позитивист и аналитик» А. Н. Веселовский, как его называл Ф. Батюшков, «отбрасывал всякие априорные построения и принятые ранее категории, отстраняя определения на основании отвлеченных признаков, держась лишь строгой последовательности фактов» и поэтому подверг критике основные положения современной ему мифологической школы [1, с. 265]. Веселовский доказал, что сходные мифологические мотивы и сюжеты у разных народов на одинаковых стадиях общественного развития возникали не только как заимствования, но и как самостоятельные явления. Исследуя мифологию славян, он как поборник позитивизма особенно увлекается вопросами генезиса, эволюционными процессами и использует историко-сравнительный метод. Ученый глубочайшей эрудиции, он, в известной мере предвосхитил структурную антропологию середины XX столетия.

Одним из первых, наряду с немецким ученым Т. Бенфеем, он начал изучать мифологические и фольклорные сюжеты, которые позднее К. Г. Юнг назовет архетипическими. К таким архаичным образам относится судьба. Понятие судьбы в славянской мифологии он трактует в трех содержательных вариантах. Во-первых, она – Доля, Судица. Этот образ объясняет жизненные проблемы человека достаточно просто: человек счастлив или нет, потому что так ему на «роду написано», суждено, «невесть откуда навеяно». Все эти понятия входят в представление народной славянской Судьбины и ее фантастических образов. По мнению Веселовского, славяне могли и не знать «абстрактный Фатум», как греки, потому что их представления о судьбе были личные, частные, родовые. Не зная Фатума, они знали Долю, Сречу и целый сонм подобных существ, служивших конкретным выражением одной идеи. Так, в северорусских причитаниях молодец жалуется, что родители наделили его горькой участью, зачали в пятницу, и родился он в такой же несчастный день, среду: «Знать не участью-талантом награждали, знать великим безчастьем наделяли». Но и счастье также «прирождается»: нашему выражению «в сорочке родился» отвечает целый ряд тождественных поверий, например, польское *w szepku urodzit* [2, с. 469]. К матери как «подательнице жизненной доли» обращены и жалобы Добрыни, что родила она его несчастным, несчастным и неталантным. Доля в славянской мифологии связывается с отцом-матерью и актом рождения или выступает как идея обусловленности родом, дедами, предками. Бытовая форма рода древнее личной семьи; понятие о доле выработалось впервые в отношении рода, в связи с культом предков, незримых блюстителей домашнего очага и нового поколения. Долю давал Род, которому в старину у славян клали требы, как теперь угощают заменившего его дедушку-домового, также пребывающего у очага, в печи, подобно Горю, Нужде, Кручине, злыдням – другим олицетворениям русской Доли. Такие варианты часто встречаются в белорусских причитаниях, где имеется в виду именно такой образ Доли, «подательницы молодой, счастливой судьбы» [2, с. 472].

Рядом с дедом, родом (домовым) – мать-Рожаница: как и Роду, ей молились, ставили трапезу, «хлебы и сыры и мед». Верование в мифических рожаниц, дев судьбы, определяющих долю новорожденного, по мнению А. Н. Веселовского, явилось образным выражением действительных бытовых отношений. Не Род, а Рожаница выступают в

значении одаряющих счастливой или несчастной долей. Они входят в общий культ предков, «родителей», русалок, вил и т. п. Их роль как «подательниц доли» раскрывается не только в восточнославянских, но и в хорватских, словенских и болгарских сказках. Аналогичные поверья можно найти и в прибалтийских и германских поверьях. Переход от понятия «рожаница» к представлению судицы дают хорватские и словенские притчи. Антропоморфический образ судьбы как олицетворения рока, суженой доли, несчастья часто встречается в северорусских образах Судьбины или Судины. Эти носительницы судьбы характеризуются неизбежностью, неотъемлимостью «сужденного» человеку: Судину нельзя «избыть». Эта идея выражается целым рядом песенных и сказочных образов и у восточных славян, например белорусская песня: «Лиха доля за ноженьки держала; еще бо я коло лавки хадзила» или северорусское причитание о недоле: «Уж, какое то зло великое бессчастьицо впереди меня злодейно снаряжалось». В сербской песне говорится: «Сужена-ряжена не объедешь в кузове», не обойдешь и «на коне не объедешь» [2, с. 493].

Вторым вариантом в развитии идеи судьбы явился мотив, устранивший представление унаследованности и неотменяемости. В трактовке судьбы появляется момент случая, неожиданности, счастья или недоли, «навешанных» со стороны. С таким пониманием Сречи, как случая, связаны предания о том, что от нее можно освободиться. Когда к представлению прирожденной доли примешалась идея случайности, доли, навешанной со стороны, но и отводимой, само понятие судьбы должно было расшириться по разным направлениям. Долю можно было изменить, добиться другой, так в украинской песне, где казак жалуется на свою долю, она отвечает ему: «Не я виновата, а воля», а в русской: «Своя волюшка доводит до горькой долюшки» [2, с. 511].

Третий этап в развитии представлений о судьбе у славян связан с распространением христианства. Первоначально это запретное суеверие, которое получает место в литературе церковных обличений. Постепенно происходит внесение христианского Бога в область понятий Сречи и Доли, фактически не меняя древнего представления о судьбе: оно оставалось личным и капризным. Доля и Среча поступились не своим характером, а лишь внешнею самостоятельностью, подчинившись велениям Бога. Другое христианское понимание идеи доли или недоли, появляется в тех случаях, когда о ней говорят как о заслуженной, ниспосланной по грехам. В этом представлении идея прирожденной судьбы сплотилась с идеей личной вменяемости, так в «Слове о полку Игореве», где Обида является со значением Недоли, понятие ее заслуженности расширилось: не один воин навлекает на себя несчастье, а вся русская земля расплачивается за грех русских князей.

Таков сравнительный анализ А.Н. Веселовского мифологических представлений о судьбе, являющийся показателем народно-культурного единства славянских народов.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон: Биографии. В 12 т. Т. 3. – Москва, 1993. – 799 с.
2. Веселовский, А. Народные представления славян / А. Веселовский. – Москва, 2006. – 667 с.